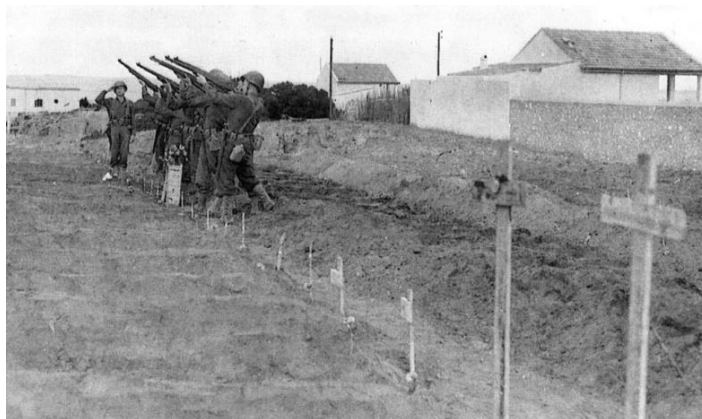

РАСКАЗЫВАЕТ УЧАСТНИК БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ, НОРМАНДИИ И ЕВРОПЕ ВИНСЕНТ МакКИННИ (Vincent McKinney)

Я родился в 1919 году в Бруклине. Когда мне было 13, умер отец. Я вырос, окончил школу и какое-то время работал на радиозаводе *Air King Radio* в Бурклине. Зарабатывал 10 долларов в неделю – тогда это были хорошие деньги, но завод продали другой компании, и я потерял работу. Тогда я пошел в CCC (*Civilian Conservation Corps* – программа в рамках Нового Курса президента Рузвельта, нацеленная на борьбу с безработицей среди молодежи. Молодые люди возрастом 18-25 лет улучшали дороги, сажали деревья, ухаживали за национальными парками, принимали участие в гидротехнических, гидромелиоративных и сельскохозяйственных работах - ВК). Мы зарабатывали 30 долларов в неделю, получали 8, остальное шло домой. У моей матери с 10 детьми других доходов не было.

В 1940-м я добровольно пошел в армию – подписался на три года. Кстати, платили там всего 21 доллар в месяц. Когда началась война, я служил в лагере Fort Devens в штате Массачусетс. Я сразу же попал в 16-й Полк 1-й Пехотной Дивизии и с ней в августе 42-го отправился за океан: сначала в Шотландию, потом в Англию, а в ноябре 42-го – в Северную Африку. Я участвовал в боях под городком Arzew, совсем рядом с Ораном. Ничего особенного там не было – все заняло три дня. Все было устроено так, что они собирались сдаться. Немного постреляли, один парень был убит, но это все было ерундой, просто демонстрация.

Мы остались в Африке и отправились в Алжир. В феврале 40-го мы по железной дороге прибыли местечко под названием Ouseltia Valley и заняли оборонительные позиции. Мы были на западной стороне долины, итальянцы по другую сторону, может быть, милях в полтора от нас. Поначалу ничего особенного не происходило. Один раз я был в боевом патруле – начальству нужно было узнать поточнее, где находятся противник. Вышли мы в полночь, где-то в 3 или 4 часа утра итальянцы услышали что-то и начали пускать осветительные ракеты и постреливать. Мы ответили огнем и ручными гранатами. Вообще-то, нам просто полагалось узнать, где находится противник, и не вступать в бой, поэтому мы отошли... Вернувшись к своим, я дал начальству координаты их позиции, потому что шел в патруль по компасу, по компасу вернулся и знал точно, где находятся итальянцы. Их позиции обстреляла артиллерия.

Алжир. Американские солдаты салютуют только что похороненным погибшим товарищам...

Правда, одного парня мы потеряли. Двое наших, наверное, не услышали приказа отходить и попали под обстрел. Один из них вернулся рассказал: «Парень, снаряды падали в этом месте всюду и везде. Ты навел их довольно точно.» А один наш так и не вернулся, поэтому мы решили, что он попал в плен. В этом месте нам в плен попал парень из Бруклина. Он сам сдался. Мы увидели, как он размахивает палкой с белым флажком, и услышали: «Не стреляйте! Я из Бруклина!» Он, вроде как, перед войной поехал в Италию погостить и застрял там, вот его и взяли в армию. Он и использовал первую же возможность сдаться американцам. Говорил он по-английски ну чисто как бруклинец...

После этого были бои на перевале Кассерин (Casserine Pass). Нас там не было, там была 36-я Дивизия, состоявшая из техасцев. Мы были в том районе в паре миль от линии фронта и слышали звуки боя, то есть, знали, что что-то происходит. Неожиданно ночью мы услышали сигнал тревоги и приказ подготовиться к контратаке. Не помню, сколько нас было, то ли батальон, то ли полк, но посреди ночи нас вывели из резерва и двинули вперед. Мы сконцентрировались в *wadi* (*waddy* – каньонобразная долина – ВК) и уже были готовы выступить, как пришла почта: письма и посылки. Все это раздали, ну и мне от сестры пришла упаковка шоколада в два или три фунта весом. Ну и что было с ним делать? Мы с ребятами тогда просто обожрались шоколадом...

Мы тронулись в путь и на рассвете стали приближаться к горам – были уже в миле или полумиле от гор. Но кончилось дело тем, что немцы отошли, и мы просто закрепились. Мне приказали взять с собой усиленное отделение и забраться на вершину горы. Помню, как мы карабкались вверх... Горную гряду пересекала долина – место концентрации немцев. Британцы давили на них и пытались вытеснить на север в направлении Алжира. Однако, когда мы вышли на перевал Кассерин, бои уже почти закончились. Все, что нам оставалось сделать – это закрепитесь на горной гряде и не дать немцам возможности прорваться. Окончилось дело тем, что тысячи этих парней из корпуса *Afrika* сдались в плен. Мы их и в плен-то не брали – они сдавались вместе с офицерами и колоннами уходили в тыл. Здоровые, крепкие ребята. Эти блондинистые парни выглядели как хорошие бойцы. До сих пор доволен, что не пришлось воевать против них...

Правда, пришлось как-то столкнуться с немецкими танками. Было это в районе El Gatar, прямо на краю Сахары. Мы заняли там позиции в каком-то оазисе – вокруг пальмы, пара арабов тут же указывала за садом и огородом, не обращая внимания на войну. Ну, наши окопы проходили по небольшой холмистой гряде. Затем, совершенно неожиданно, одним утром мы увидели, как напротив наших позиций тысячи людей поднялись и двинулись вперед. С ними были танки. Атакующие прошли около мили – по фронту они со своими танками занимали все пространство обзора. Стало страшно. Я только и знал, что здесь, вместе со мной, моя рота... Пара немецких самолетов пролетела над нами – они прошли на небольшой высоте в сторону своих позиций, и я даже разглядел летчика. Они не стреляли, наверное, хотели получше разглядеть наши позиции, но они сделали второй заход. Я успел сделать пару выстрелов по одной из машин – они ответили огнем, но все обошлось без потерь... Наши артиллерийские позиции были ниже нас по склону у подножия гряды. Обычно артиллеристы стоят за спиной пехоты, но на этот раз эти парни были готовы стрелять прямой наводкой по танкам. Тактически это было правильно, поскольку артиллерия их остановила...

Первое ранения я получил в Пасхальное воскресенье в Африке. Мы только что забрались на вершину холма, и тут в воздух взлетела ракета. Позднее выяснилось, что это была наша собственная артиллерия – они начали стрелять по нам шрапнельными снарядами, разрывающимися в воздухе. Разумеется, мы уткнулись носами в землю, и я почувствовал, как что-то ударило меня в спину. Когда обстрел прекратился, стали собирать раненых. Я сумел вскочить на джип, который отвез меня на батальонный перевязочный пункт. Там я оставался пару дней. Мне сказали, что это всего лишь царапина, но когда я взглянул на свое белье, куртку и ремень патронной сумки, я увидел, что дырки были всюду и везде. Так что, у меня в спине до сих пор сидят куски шрапнели. Свои же обстреляли, но я их простил давным-давно. Не припомню, был ли кто-нибудь убит тогда. Но раненых было много...

Я вернулся в часть через пару дней. Пока я был в госпитале, рота приняла бой на высоте 609 (Hill 609). Мне повезло, потому что потери там были большие... После Пасхи мы пошли на север, поскольку немцы отступали на север и на запад. Нам предстояло отсечь их, чтобы они не смогли прорваться в Оран. Британцы тоже крепко давили на них. Мы шли на север и дошли почти до Бизерты. Они снова отошли. Ну, кому-то из них удалось добраться до Сицилии...

После Бизерты мы какое-то время занимали статичные позиции, а затем была Сицилия. Высадка прошла спокойно, мы не были под огнем. Боялся ли я погибнуть? Да нет, я думал, что я непобедим. Кого-то убьют, но со мной этого не случится. Если на пуле написано твое имя, она найдет тебя, ничего не сделаешь. Я был фаталистом. Молодость и вера в волю всевышнего – все это поддерживало меня в равновесии. Я знал, что моя матушка истово молится за меня, пару раз я был на волоске, и это убедило меня в том, что удача со мной. Ну и потом, я – ирландец. В Сицилии я побывал на волоске от смерти. Дело было ночью. Взобрались на холм, и когда рассвело, мы только начали окапываться. Начался артобстрел – все плюхнулись на землю. Пара парней - один из них был взводным сержантом, другого звали Джин Мобли (Gene Mobley) – укрылись в мелком окопчике. Их накрыл снаряд, и обоим оторвало ноги. Я был рядом и услышал их вопли. Я подполз поближе и увидел, что на двоих у них осталась только одна нога. Стал орать: «Сюда! С носилками!», но никто не появился. Я побежал вниз по склону, прыгнул в узкую щель, оставленную немцами, там уже был другой парень... Я сказал ему, чтобы он привел людей с носилками, и тронулся назад. По дороге Я услышал гул приближающегося снаряда и упал на землю. Этот снаряд попал прямо в окопчик, где были те два парня. Если бы я остался с ними, мне бы просто снесло голову... Была еще пара случаев, когда я слышал свист пуль, пролетавших рядом с моей головой. Когда слышишь этот звук, ясно, что целятся в тебя.

*Сицилия, 1943. Санитар оказывает помощь раненому американскому солдату.
Местные жители с состраданием наблюдают...*

После Сицилии, зимой 1943-го, когда у нас уже был опыт, мы были обстреляны в боях и приобрели хорошую репутацию, нас вернули в Англию. Наша база находилась в приморском городе Weymouth, где мы начали готовиться к высадке в Нормандии. Нам сказали, что мы будем брать доты, и разделили не на взводы, а на отделения. В каждом отделении были стрелки, пара ребят обучались применению так называемых *bangalore torpedoes*, многие обучались использованию толовых шашек. *Bangalore torpedoes* – это длинные трубы с динамитом внутри. Просовываешь одну секцию под колючую проволоку, толкаешь ее вперед. Затем прикручиваешь к первой вторую и толкаешь еще дальше, затем третью и так далее. В последнюю вставляешь взрыватель, нажимаешь на курок, и в проволоке появляется проход для парней с огнеметами и толовыми шашками.

*Американские солдаты готовят **bangalore torpedoes** к подрыву*

Подготовка к высадке заняла шесть месяцев. Перед самым вторжением я получил звание техника-сержанта. Мы знали, что будем в первой волне, и что наша рота поведет за собой весь батальон, а батальон – весь полк. Полк будет вести за собой дивизию. Я знал, что первым ступлю на берег, и наш дот будет прямо напротив нас... Нам говорили, что пляжи будут бомбить наши самолеты, а наши эсминцы обстреляют пляжи, и вполне вероятно, что мы спокойно пройдем через полосу пляжей без ущерба для себя. В итоге, на пляже не оказалось ни одной воронки. Колючая проволока была там, где ей положено было быть.

Перед высадкой настроение у всех было спокойное. Я знал, над берегом порабатает авиация и военные корабли, но я знал, что будет трудно. Еще я помнил, что это - начало конца всей войны... Мы пересели с транспортного судна в десантный катер еще затемно. Меня ни разу не укачало на десантном катере время обучения, но укачало в этот самый день. Я волновался не больше чем обычно, но меня вырвало. Вырвало прямо под ноги, потому что я не мог подойти к борту. Катер было так забит людьми, что все сидели на корточках или на коленках, даже присесть по- нормальному не было возможности. На пути к пляжу в катер было два прямых попадания. Мы выползли на грунт, рампа опустилась. Катер к этому моменту почти полностью залило водой, сходя с ramпы, я был по плечи в воде. Первое попадание пришлось в кормовую часть. Второе - в борт где-то в

середине, поэтому, когда я выбирался из катера, мне пришлось перелезть через трупы своих товарищей и расталкивать плавающие в воде тела. Среди них были ребята, с которыми я вместе воевал в прошлом. Думаю, из того катера высадилась только горстка парней. Я не был первым, кто сошел с катера, но оказался первым на берегу. Других уложило, когда они были еще в воде. Вокруг не было ни души. Пули поднимали фонтанчики песка вокруг меня: в основном, по нам вели пулеметный и ружейный огонь. Еще несколько ребят выбрались на берег: кто-то хромал, некоторые вообще были без винтовок. Никто не вопил от боли: было тихо. Я посмотрел на часы: было 6:30. Видел ли я танки, которые предполагалось высадить на берег... Я вообще никаких танков не видел. У меня не было даже возможности повернуть голову и посмотреть на пролив. Только когда мы взяли дот, я посмотрел назад и увидел корабли. На пляже тоже прибавилось людей, но все это случилось только через час или через два.

Весь путь от катера к пляжу занял у меня минут десять. Пляж был неширокий - 30-40 ярдов. Я выбрался на пляж и побежал в сторону дота самым коротким путем. Когда я добрался до подножия склона, над которым был дот, со мной уже было несколько парней. Все это заняло какие-то секунды. Мы упали на землю и перевели дух, убедились в том, что дот прямо над нами. Я осмотрелся, чтобы понять, кто со мной и на что можно рассчитывать. Есть ли у нас толовые шашки? Есть ли у нас огнемёт? Там было несколько парней из 116-го Пехотного Полка – их 29-я Дивизия должна была высаживаться справа от нас, и эти ребята просто приبلудились к нам. Я сказал им оставаться с нами, залечь вдоль полосы прибоа и вести огонь по амбразурам.

Мой заместитель Таунсенд залег рядом со мной. Я повернулся к нему, поскольку он собирался что-то сказать, но тут он свалился лицом вниз: пуля попала ему прямо в голову. Мы с ним были вместе, еще начиная с лагеря Fort Devens в Штатах, и вот.... Ребята из второго или третьего отделения в это время продолжали брести к берегу – их косили из пулемета, они падали в воду. Огонь и смерть не останавливались ни на минуту... Склон был голый, ни кустов, ни валунов – спрятаться было негде.

В итоге нам с лейтенантом удалось выстроить что-то вроде линии вдоль берега. После этого парни с *Bangalore torpedoes* добрались до колючей проволоки и подорвали ее. В проходы рванулись огнемётчики и ребята с толовыми шашками. Они и накрыли дот, потому что пулеметный огонь прекратился. Рядом с дотом еще оставалась пара немцев, потому что кто-то продолжал бросать в нас гранаты, но Пол Мэнсфилд, командир пятого отделения, и другие ребята бросали эти гранаты обратно. В итоге, мы ворвались в дот, но немцы к тому времени уже покинули его. От дота к роще, отстоящей от берега, вела траншея. Мы разглядели немцев этой роще, и ребята из роты «М» (рота тяжелого ружия – ВК) открыли по ним огонь из 81-мм миномета и крупнокалиберных пулеметов. Лейтенант приказал мне послать Мэнсфилда к роще и посмотреть, что осталось от немцев – они пошли и вернулись с 15-19 пленными. Это было уже ближе к полудню. Помню, что пленные, которых мы брали в Нормандии, были разных национальностей. Среди них были даже русские, были чехи, румыны, поляки. Многих из них использовали в качестве рабочих, и они просто попали под гребенку. Когда их брали в плен, у них и оружия-то не было – они побросали свои винтовки...

Омаха Вич – слева направо: верхний ряд - раненые американцы, высадка, пленные немцы, нижний ряд - военное кладбище рядом с местом высадки, захваченный дот

Помню, что после всего я зашел в дот, нашел там консервную банку с рыбой – это было самое вкусное из того, что я когда-либо ел... Тем временем на берег высадилась остальная часть роты и батальона. Ближе к вечеру меня отправили в патруль, чтобы я убедился в том, что между нами и бритами нет немцев. Они должны были высадиться слева от нас, и между нами были обрывистые участки берега. Я пересек минное поле – уже потом я понял, что это было минное поле – и увидел бритов. У них был полугусеничный грузовик. Сидит рядом с ним какой-то парень, мы подходим, он и говорит: «О, привет, янки. Кружку чаю?» Ну, меня проняло. Вокруг война, а он сидит, огонь развел, банка с консервами. Конечно, не отказался. Стемнело. Мы там и прилегли поспать, а наутро вернулись в роту. День «D» закончился. В тот день погиб один из лейтенантов нашей роты - Monteith.

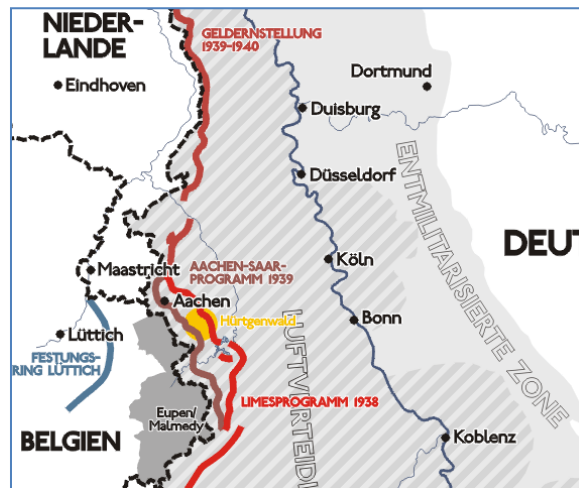
После высадки мы уперлись в живые изгороди (*hedgerows* – земляные валы высотой до 3-12 футов (1-3.5 м)), густо поросшие сплетенными деревьями и кустарником - ВК). Двигаясь вглубь страны, мы стали наткаться на одну живую изгородь за другой. Иной раз они были высотой с эту комнату. Идешь по дороге, а сам полностью скрыт этими валами. У каждого поля, окруженного изгородями, был вход. Размером поля были двести на двести ярдов (180x180м). Прошел половину поля, и тут по тебе начинает палить пулемет. Много ребят при этом погибало – так и продвигались от поля к полю. С танками было полегче, но и они зависали на этих изгородях, подставляя свое брюхо. Тогда можно прощаться с танком – что бы в него не попало – это конец...

Когда замкнули Фалезский котел, мы снова тронулись в путь, сидя на танках Армии Паттона. Так мы проехали весь путь до Метца. Вплоть до того времени, когда мы вошли в Хюртгенвальд (Hürtgenwald - гористая местность на границе Бельгии и Германии - ВК), аж до Дня Благодарения (27.11.1944), мы ни разу не передохнули. Там-то меня и ранило в третий раз. Вообще, я и в день высадки получил ранение возле колени. Кажется, это случилось, когда мы забирались вверх по склону в сторону дота. Немцы еще постреливали... Вырвало кусок плоти, кровищи было как со свиньи. Был у нас санитар по фамилии Ryan, он перевязал меня. Так и воевал с повязкой, только через пару дней перевязку поменяли на более легкую.

Siegfried Line - Линия Зигфрида. На переднем плане бетонные надолбы (Dragon's Teeth - Зубы Дракона), на дальнем - доты

Как-то раз нам пришлось еще раз брать дот. Это было, когда мы прорывались через Зубы Дракона на Линии Зигфрида. Мы были первыми, кто пересек эту линию, кажется, 24 сентября. Мы увидели эти самые бетонные надолбы, они и правда выглядели как зубы. За таким зубом можно было спрятаться. Однако, дальше за зубами был дот, небольшой такой. Дело было ночью, шла перестрелка, пару ребят ранило. Один раненый пролежал на земле всю ночь – он стонал и звал маму, но мы не могли вытащить его. Среди ночи он умер. Наутро дот оказался пустым, и я сделал его своим штабом на пару дней.

Схематическая карта положения укреплений Линии Зигфрида разных лет строительства (синии, бежевые и красные линии). Желтый кружок - Хюртагенвальд

Мой первый рукопашный бой случился, когда мы шли через Хюртгенвальд в Германии. Было туманное утро, мы поднимались в гору, и когда я проходил мимо какого-то дерева, из-за него выскочил немец. Ему не хватило места, чтобы вскинуть винтовку, он ударил меня прикладом в лицо и выбил два зуба. У меня в тот момент в руках был автомат калибра 0.45 с коротким стволом. Мне хватило места, чтобы навести на него ствол и нажать курок. Я убил его. Это был уже немолодой человек, сейчас я думаю про него «бедный малый», тогда же я подумал: «Вот мерзкий ублюдок!»... Тут же я увидел каких-то парней, убегающих от нас. Они были далековато, и я не стал стрелять.

В Хюртгенвальде, ко Дню Благодарения, у нас появилась возможность вырыть хороший окоп. Было тихо, пошел снег. Вокруг были поваленные деревья, и мы прикрыли окоп сверху бревнами и присыпали землей. Нам подвезли арктические спальные мешки – просто роскошные. То есть, пару дней мы отдыхали. Это вообще первый перерыв, который я припоминаю. Мы простояли там две недели. Саперам пришлось прокладывать гати (*corduroy roads*), поскольку почва раскисла – шел то снег, то дождь. Как-то дождь шел пять дней подряд. В окопе стояли лужи. Один из лейтенантов свалился, впал в истерику и начал рыдать: «Не могу больше!»... Несмотря на погоду, такой проблемы как *trenchfoot* (*траншейная стопа – заболевание, связанное с переохлаждением и сыростью в окопах, сопровождаемое болями в стопах, нарушениями чувствительности, слабостью в пальцах, отеками, появлением пузырей и язв на коже – ВК*) у нас не было, поскольку я заставлял своих парней менять носки, стирать носки, мыть ноги, использовать присыпку для ног, сушить ноги при первой возможности, оставлять немного кофе в своем котелке и стирать носки в этом кофе... Вода горячая, а носки и так коричневые! Пехотинец должен заботиться о своих ногах. Заработать мозоль было чуть ли не военным преступлением. Заботу о своих ногах нам вдалбливали с самого начала, с самого поступления в армию... Но это было большой проблемой у других и в Хюртгенвальде, и потом в Арденнах.

Нам предстояло брать городок Heissen. 2-й батальон попытался сделать это и не смог, поэтому позвали нас, ну и, конечно роту «L». Само собой, первым делом в бой послали 1-й и 3-й взводы. 3-м взводом командовал сержант Rulong, то есть, это были я и он. Мы двинулись вперед бегом, вверх на холм, на котором стояла какой-то городок. Мой взвод по одну сторону дороги, взвод Рулонга по другую. По-моему, немцы не ожидали этого, и мы ворвались в городишко. Бой был не очень жестоким. Перестреляли какое-то количество немцев в паре домов. Были и пленные, которых мы отправили в тыл. Наступила ночь. Мы оставались в городке. Мой командный пункт был в подвале одного из домов в центре города. Рулонг стоял в доме через дорогу. Посреди ночи мы услышали гул танков, движущихся в нашем направлении с немецкой стороны. Против танков не попрешь. Мы отошли на край города. Я связался по телефону с командным пунктом роты, но услышал, что на том конце кто-то говорит по-немецки! Разумеется, я не стал отвечать. Когда мы сидели в подвале, один из моих сержантов побежал в нашу сторону, и часовой, которого я оставил наверху, решил, что это немец, выстрелил в него трижды и ранил в ногу. Мы затащили бедного парня в подвал, и в этот момент рядом с домом остановился танк. Мы слышали, как крутится его башня – это такой характерный звук. Я закрыл раненому сержанту рот рукой. Танк тронулся дальше. Мы просидели в подвале всю ночь и утром побежали назад. По дороге мы взяли в плен четверых или пятерых немцев, которые сидели в глубокой воронке. На этом для меня закончились бои в Хюртгенвальде, потому что на следующий день меня ранило в третий раз. Вроде как снаряд разорвался в воздухе, и кусок шрапнели угодил мне в левую ногу, прямо рядом с пахом, когда я лежал на земле. Я добрел до перевязочного пункта. Мне сказали идти в батальонный лазарет, и

уже оттуда отправили в Льеж, где меня прооперировали и перевели в Париж. Да, в Льеже на госпиталь шлепнулась ракета V-2. Что-то в ней не сработало, и она упала на нас, не долетев до цели. Ну и испугались мы, думали, что нас бомбят... Только потом мы узнали, что это была ракета V-2.

Из Парижа я попал опять в Англию. К этому времени заработала система набора очков для отправки домой. У меня было полно очков, я был типа VIP. У меня были очки за срок службы, за время, проведенное за океаном, за медали и за ранения.

За Алжир я получил Бронзовую Звезду. Приказ звучал так: «Винсенту МакКинни, сержанту-технику, рота «L» 16-го Пехотного Полка за героические усилия в ходе военной операции близ Argole, Algeria, 9 ноября 1942. Когда продвижение его группы было остановлено интенсивным пулеметным огнем, сержант МакКинни мастерски развернул своих людей к бою и, не заботясь о собственной безопасности, бесстрашно двинулся вперед и метко забросал гранатами вражескую огневую точку, а затем успешно повел своих людей в атаку. Героическое поведение в бою сержанта МакКинни и его инициативность являются примером несгибаемого боевого духа американских солдат.» М-да... *не заботясь о собственной безопасности*. Другими словами: «Вот придурок...» За высадку в Нормандии я получил Серебряную Звезду. Думаю, 85 очков было минимумом. А у меня было 185 или около того.

В Англии, когда меня выписали из госпиталя, я попал в центр для выздоравливающих, где занимался физкультурой и так далее. Когда это закончилось, наступил момент для получения новых назначений. Становишься в очередь, походишь к столику, говоришь свое имя, звание и т.д. Меня спросили, сколько раз я был ранен. Когда я сказал «три», солдат за столиком повернулся к лейтенанту и сказал, что этот парень был ранен трижды. Все уставились на меня. Лейтенант отвел меня к себе в офис, прочитал мое дело и сказал: «Любой, раненый трижды, имеет право на должность в тылу. Но у тебя есть возможность вернуться к себе в роту, если подпишешь заявление.» - «Нет, - сказал я. - Ничего я подписывать не буду.» Так я остался в Англии. Меня отправили в конвойную роту военной полиции – MPEG - *military police escort guard company*. Я командовал подразделением, охраняющим госпиталь для немецких военнопленных. Был еще один сержант, мы работали через сутки. В госпитале были тяжелораненные немцы, с ампутациями. Мы были там для того, чтобы они не убежали, но никто из них желания не проявил... Вообще, у меня не было какого-либо сострадания к немцам. Я знал, что не они начали войну, а Гитлер, но они должны были стрелять в нас, а мы в них. Я не был против кого-то из них лично, я и не знал лично ни одного немца. Но они хотели убить меня, поэтому я должен быть убить их, пока у них не появился шанс сделать это со мной...

Война закаляет. Помню, я как-то послал одного низкорослого солдата, маленького итальянца, на край нашей линии, вырыть себе окопчик и залечь в нем. Какое-то время спустя прозвучала пара выстрелов. Я подобрался к нему – он был мертв. Стало не по себе: если бы я не послал его туда, он мог бы и остаться в живых. Помню, я открыл банку с бобами и начал есть. Поставить ее было некуда, и я поставил ее ему на грудь. Война так закаляет, что превращаешься в получеловека... Все время в грязи. Воды и то вечно не хватало. Понос столько раз прохватывал на марше. Немного приходишь в себя, когда отводят в тыл. Моешься, бреешься, чистишься...

В Сицилии мы как-то захватили городок Энна. Был небольшой бой по дороге, но немцы просто хотели нас задержать и потом отошли. Я вошел в здание банка и решил

попытаться открыть сейф. Думал, может там есть золото или серебро. Решил призвать директора банка, но тут появился командир батальона, и на этом история с банком закончилась. Был еще случай в Аахене. Там были серьезные уличные бои. Мы двигались от дома к дому, затем закрепились в одном из них и стали осматриваться. Я открыл какую-то полку и увидел деньги. Засунул их к себе в рюкзак, правда, потом они оказались совершенно бесполезными... Видим, по улице идут две девчонки. Мы стали орать: «Убирайтесь с улицы!» Ну, затащили их в дом, они стали оглядываться, видят – большой шкаф, набитый меховыми шубами. Я сказал: «Выбирайте.» Они схватили охапку мехов и смылись...

В августе 1945-го я вернулся домой. Еще трое моих братьев служили в армии. Фрэнк служил на транспорте в Орегоне, Джек – на эсминце во флоте, Джим был оператором радара в Европе. Еще двое братьев были слишком молоды, чтобы служить. Так что у моей матушки было четыре звезды на окошке... Все мы вернулись живыми – я был единственным, у кого были ранения. У других братьев работенка была легкая: на радаре, на эсминце... Хотя, как говорят, на каждого солдата на линии фронта полагается иметь десятерых в тылу.

После войны я служил в полиции 24 года. Думал стать пожарным, но потом решил, что если тебя подстрелят или пырнут ножом на работе в полиции, есть шанс поправиться, а если ты в огне, да еще дыму наглотаешься – вряд ли. Работал я в Восточном Гарлеме (East Harlem). Там каждая ночь как новогодняя. Это был итальянский район, он тянулся от East River до 3-й Авеню. Между 3-й и Парк Авеню был испаноязычный район, дальше до 5-й авеню – черный. Тогда были другие времена. В те времена в полицейских не стреляли, никто с полицейскими не разговаривал и не спорил... В 1971-м меня освободили от патрульной службы по состоянию здоровья – появились проблемы с сердцем. После этого работал в офисе.

Если говорить о фильмах о войне, то я не могу сказать, насколько соответствует истине фильм *The Longest Day* (1962 - *Самый длинный день*). Что касается фильма *Saving Private Ryan* (1998 - *Спасение Рядового Райана*), самой сцены высадки, то это правдивая сцена. Должно быть, авторы фильма говорили с кем-то из моей роты, поскольку ту сцену с парнем, у которого вывернуло кишки наружу, я помню: я это видел. Помню, по ТВ показывали празднование 50-летия высадки, когда туда поехал Клинтон. Был там какой-то капитан, который встал и то ли представил Клинтона, то ли речь произнес, заявив, что он был первым на берегу. Если он был из 2-го батальона, то он никак не мог быть первым на берегу, поскольку 3-й батальон ступил на берег раньше 2-го со всеми офицерами. И этот парень говорил о том, что ему пришлось перешагивать через тела убитых в воде! Если он был первым на пляже, что он никак не мог перешагивать через трупы, потому что перед ним никого быть не могло. Интересно, кто-либо еще подумал об этом? Спилберг завоевал *Golden Globe* за *Спасение Рядового Райана* и выразил благодарность 116-му Полку 29-й Дивизии и 2-й Дивизии. Он должен был сказать: 1-й Дивизии, но, по-моему, запутался. 1-я дивизия первой высадилась на пляж *Omaha*...

Оригинальное интервью: <http://www.tankbooks.com/interviews/mckinney1.htm>

Aaron Elson, 05.02.1999, ©2014

Перевод и обработка: Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org